

УДК 94(571.17):355.41«1914/1917»

ВКЛАД КУЗБАССОВЦЕВ НА ОБОРОННЫЕ НУЖДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (1914 – 1917 ГГ.)

Ю. П. Горелов

KUZBASS PEOPLE'S CONTRIBUTION TO SUPPLYING THE DEFENCE SUFFICIENCY NEEDS DURING WORLD WARI (1914 – 1917)

Yu. P. Gorelov

Статья посвящена вкладу кузбассовцев на оборонные нужды Первой мировой войны. Анализируются различные формы военной попечительской работы, а также социально-политическая обстановка в крае в годы войны.

The paper focuses on Kuzbass people's contribution to supplying the defense sufficiency needs during World War I. Different forms of defensive patronage work as well as the social and political situation in the region are analyzed.

Ключевые слова: Первая мировая война, Кузбасс, оборона, попечительство.

Keywords: World War I, Kuzbass, defence, patronage.

В феврале 2014 года в Москве стартовал Всероссийский молодежный проект «Великая забытая война». Среди неизученных проблем современной истории остро стоит актуальный вопрос, было ли в годы Первой мировой войны стремление населения защитить свое Отечество или, воюя за царя-батюшку, люди были обмануты «ура» – патриотическими лозунгами. Ответ дают характерные особенности и тенденции, показывающие оборонный вклад кузбассовцев в эту войну.

Приготовления к войне проходили в два этапа. Первый – с 16 июля 1914 г., когда регион переводился на особый подготовительный период. Администрация края получила приказ благоустраивать мобилизационные пункты, усиливать паспортный режим, противодействовать антиправительственными выступлениями, а также охранять и ремонтировать железнодорожные магистрали, сухопутные тракты, переправы. Второй начался 18 июля, когда правительственной телеграммой объявлялось о переводе мирной жизни на военный лад и о дополнительном наборе в войска людей и тяговой силы [36].

Основная часть ратных мероприятий проводилась в субботу 19 июля. Призывникам выдали расчет, на мобилизационных пунктах за выкуп освободили от гражданской одежды. Однако на войну попал только каждый второй новобранец. Забраккованными стали страдающие болезнями зрения, слуха, имеющие зобы, грыжи, переломы [4, с. 145 – 146]. В это же время объявил о мобилизации лечебных заведений Российский Красный Крест. В его отрядах числилось свыше 4-х тысяч медиков, способных обеспечить уход за тысячами раненных и больных воинов. Вместе с тем этих кадров явно не хватало. В Сибири, в том числе и Кузбассе, было приказано организовать наборы в дополнительные отряды [24].

Сложной акцией для властей стали транспортные мобилизации. Для войск забирали пароходы, автомобили, мотоциклы. Выплаты владельцам делали согласно правительственным правилам 1912 г., они учитывали пройденный километраж,

износ транспортного средства. Автомобильная мобилизация дала армии свыше 4 тысяч автомобилей, однако, из Сибири их поступило мало, так как на весь регион перед войной было только 30 пригодных автомобилей [3, с. 12].

Кузбасс отличился в поставке лошадей. Неслучайно ее силуэт украшал местные гербы. Кузнецкая выносливая лошадь всегда пользовалась у военных широким спросом. Летним циркуляром 1914 г. томским губернатором В. Н. Дудинским утверждались приемные комиссии по армейскому набору лошадей и обозного инвентаря. В их состав входили полицейские, военные, крестьянские начальники и ветеринарные врачи. Этими людьми велись работы по развертыванию коновязей, палаточных городков, смотровых площадок и других сооружений, рассчитанных на прием не менее 200 лошадей ежедневно. Насколько масштабной была деятельность комиссий, говорят следующие цифры. За первые два года войны в Томской губернии было мобилизовано 54287 лошадей, 6955 повозок, 9748 комплектов упряжи. Набранные темпы такой работы сохранялись до конца войны. За плодотворную деятельность 26 офицеров конского запаса Омского военного округа в марте 1916 г. были награждены орденами. Среди них и работающие в Кузбассе поручик Б. Алексеевский, есаул В. Коростелев [22, с. 113 – 114].

Укомплектованные людьми и тягловой силой колонны солдат шли на вокзал. На большинстве станций патриотическими комитетами офицерам устраивались прощальные обеды, а нижним чинам вручались продуктовые наборы. В целом в питательных пунктах сибирской железной дороги за первый год войны горячее питание получили свыше 660 тыс. новобранцев [9]. Война вырвала из области значительную часть мужского населения. Сельскохозяйственной переписью 1916 г. в Кузнецком уезде было учтено 89364 женщин и лишь 67998 мужчин, в Мариинском аналогично 65128 женщин и 47902 мужчин. В шинели было одето свыше 30 % всех мужчин-работников [27, с. 88]. Сибирским городам царем было дано право изготавливать по об-

разцам Крымской войны отличительные стяги для ополченских отрядов. Городская дума Томска пошла знамена своим четырем, а также выделила средства на пошив знамени дружине № 613 из г. Мариинска. Стяги зеленоватого цвета имели православную символику и девиз «За веру царя и Отечество» [15].

В начальный период войны в Сибири реальностью стал подъем народного патриотизма под лозунгом «Все для фронта – все для победы». В Кузбассе среди первых жертвователей на оборону были рабочие и служащие Кольчугинской железной дороги, солдаты запасных частей, частные предприниматели и другие лица. Они установили тесную связь со специальной комиссией Государственного совета по призрению лиц участников войны, которой в течение короткого времени вместе с поступлением из других мест передали 200 тыс. рублей [37]. В такой работе активно участвовало и духовенство разных конфессий. Раввины Мариинска неоднократно в своей синагоге собирали значительные пожертвования и оказывали весомую поддержку семьям мобилизованных. Православные священники отличались не только в сборах, но и одним из первых стремились попасть на фронт. Стефан Борисов, священник из инородцев, подал командующему Омского военного округа прошение с просьбой отправки на турецкий фронт. В письме он обещал создать из инородцев Бийского и Кузнецкого уездов разведывательный отряд. Исправную службу гарантировал тем, что его люди – с рождения отличные стрелки, наездники и следопыты [25].

Огромные потери в мировой войне вызвали необходимость создания благоприятных условий для восстановления здоровья раненых. Уже в августе значительная их часть попала в госпитали Петрограда и Москвы. Осенью 1914 г. газеты подтвердили тот факт, что именно в этих городах много раненых сибиряков. В срочном порядке сибирское столичное землячество организовало общество помощи своим раненым (Сибертет). Для привлечения жителей Кузбасса к его работе в ноябре 1914 г. был подключен уполномоченный общества томский профессор Е. Л. Зубашев. Вскоре в 11 сибирских городах, в том числе Мариинске и Боготоле, стали действовать его отделения. В целом на нужды раненых к декабрю 1914 г. в Сибири собрали свыше 64 тыс. рублей [31].

Огромный вклад в дело помощи раненым и фронтовым частям вносили кузбасские железнодорожники Анжерки, Мариинска, Тайги, Боготолы и других станций. Начальник Томской дороги С. М. Богашев создал из 26 человек собственный попечительский комитет, его супруга возглавила аналогичные дамские организации, а инженер Стрижев особую комиссию по привлечению народных сборов. В результате в Можайске, Петрограде, Сестрорецком санатории путейцы содержали свыше ста госпитальных мест. Значительные суммы денег и других пожертвований от них получали сироты, беженцы, военнопленные. На передовых позициях от томской дороги функционировал по-

езд-баня, промывающий до 2 тыс. человек ежедневно и выдающий им аналогичное количество солдатского белья. Параллельно на фронте железнодорожники имели собственный санитарный отряд уполномоченного Г. Д. Гребенщикова. В составе подразделения числилось свыше 70 человек и обоз из 70 лошадей для эвакуации раненых. Поэтому, неслучайно в переписке с администрацией дороги командиры воинских частей полковники Макалинский, Ивашкевич, Зоценко и другие замечали, что в далекой Сибири ценят солдатский труд и окружают его заботой и вниманием [32, с. 1 – 18].

Однако, несмотря на все усилия населения, недостаточно подготовленные к войне отечественные госпитали не справлялись с огромным потоком раненых. Измученные операциями медики стремились едва подлечившихся воинов побыстрее отправлять в лечебные отпуска к семьям. Поэтому в Кузбассе находились сотни недолеченных фронтовиков. Большая их часть из-за плохо заживленных ран и инфекционных заболеваний требовала к себе серьезного внимания. Для таких людей сибирские отделения Красного Креста и власти расширяли старые и строили новые лазареты. Для приобретения оборудования и лекарственных средств служащие управ регулярно совершали командировки в Москву и Петроград [40]. В Мариинске лазаретный приемный покой увеличили в 8 раз и довели его до 40 коек, а в здании старой тюрьмы открыли инфекционную палату [10]. Активное участие кузбассовцы принимали в благотворительных акциях по заготовке новогодних подарков для воинских частей. В подарок ценой 1 рубль 50 копеек входили сушки, кедровые орехи, мыло, папиросы, катушки с нитками и т. д. В конце декабря вагоны с праздничным грузом разошлись по сибирским частям и лазаретам [23].

Война стала серьезным испытанием для региона, легла тяжелым бременем на экономику, требовала от властей и общественных институтов напряженной работы. Актуальными стали такие явления, как инвалиды, беженцы, военнопленные, нищенская жизнь многих семей. В таких условиях власти обратили внимание на земские структуры, чей опыт положительно зарекомендовал себя еще во время Русско-японской войны, а в мирное время – в борьбе с неурожаями, эпидемиями, в помощи столыпинским переселенцам. Тем более часть сибиряков таких как С. В. Востротин – член сибирского общества помощи раненым, В. П. Сукачев – председатель студенческого землячества, а также профессора Н. В. Некрасов, Н. Л. Зубашев и другие имели тесные связи со многими столичными и сибирскими земскими организациями [29, с. 4 – 6].

С весны 1915 г. наблюдается оживление земской деятельности и в Кузбассе, в регионе вновь активизировались сборы на оборонные нужды. Помогая властям справиться с надвигающимся голодом, сибирские общественные комитеты участвуют в различных продуктовых заготовках. На закупку продовольствия комитеты брали особые государственные кредиты. В Мариинске на такие нужды они потратили до ста тысяч рублей [14]. Вместе с зем-

цами, активно работали на армию и местные кооперативы. В числе 22 крупных районных организаций «Закупсбыта» (центр Новониколаевск), числились и кооперативные союзы Мариинского и Кузнецкого уездов. Военные получали от крестьян валенки, полушубки, транспортные средства, фураж, продовольствие, лекарственное сырье [30 с. 103]. В армейских поставках остро ощущался недостаток тарной мешковины. В связи с этим Чебулинскому кредитному товариществу (Мариинский уезд) на оборудование прядильно-ткацкого пункта в декабре 1915 г. от Томского губернатора выделено 600 рублей [16].

Ближе к осени 1915 г. в большинстве городов Сибири, в том числе в Кузнецке и Мариинске появились военно-промышленные комитеты (ВПК). Главная задача комитетов заключалась в организации результативной помощи фронту. Сначала ВПК занимались заготовкой одежды и обуви. Кроме закупок у торговцев, они поношенную одежду собирали и у населения. Такой экипировкой загружали специальные склады, а затем после ремонта ее направляли в воинские части, военнопленным, беженцам [17]. По заданию особого совещания, ВПК также участвуют в сборе оружия у населения. При этом сборщиками соблюдались следующие правила: во-первых, до 20 рублей они выкупали винтовки не позднее 1891 г., во-вторых, за штык давали 2 рубля [5].

Другой оборонной проблемой стали вопросы нехватки топлива и цветных металлов. Правительство просит власти и ВПК организовать на местах добычу природного сырья и сбор бытового металлолома. Отзываясь на эту просьбу, сибиряки активно включились в необычную для тыла деятельность. В полную силу впервые заработали Абаканский, Новониколаевский, Гурьевский металлургические заводы. На оборону поступают цветные металлы, а также добытый в регионе уголь и кокс. Особенно значимые поставки топлива шли из Анжеро-Судженского района, копий Михельсона, шахт Кольчугино. Производство черных металлов, кокса, химических продуктов успешно стало наращивать общество «Копикуз». Кроме того, в области с осени 1915 г. идут работы по производству взрывчатых веществ. Акционеры «Копикуза» успешно осваивали крупный заказ, связанный со строительством новых оборонных предприятий (порохового, химического и других заводов). По предложению профессора Томского технологического института Н. В. Гутовского на рудах Горной Шории планируется открыть металлургический завод близ г. Кузнецка (Новокузнецк) [27, с. 90; 34].

Сибирякам пришлось вести и другую чрезвычайную деятельность. Одним из ответственных мероприятий стало оказание помощи солдатским семьям. С первых дней войны была восстановлена работа большинства попечительских учреждений имеющих опыт Русско-японской войны (Красного Креста, Александровского, Алексеевского, Скобелевского комитетов и др.). В обращениях, скопированных со столичных манифестов, кузбассовцев призывали оказать всяческую помощь семьям мо-

билизованных. Ответы последовали незамедлительно. В области заработали попечительские организации и на их призывы в Кольчугино, Кузнецке, Тайге, Мариинске, Анжеро-Судженске, Боготоле и других населенных пунктах стали собираться значительные пожертвования. В сельской местности такую деятельность возглавили крестьянские начальники [1, с. 391 – 392; 11, л. 5].

Кроме общественных организаций помощь семьям оказывала православная церковь. Святейший синод в каждом сибирском приходе организовал попечительские советы о семьях фронтовиков. В их состав вошли представители о духовенства и выборные от прихожан. Эти люди, с учетом имущественного положения составляли списки нуждающихся лиц. Средства поступали от кружечных сборов и за счет собственных церковных сумм. Всего сибирское духовенство ежегодно собирало до 10 тыс. рублей, причем каждый пятый рубль поступал из Томской епархии. Средства уходили не только на прокорм семьям, но и на реабилитацию здоровья инвалидов с перспективой возврата их к труду [33; 38].

Об особенностях распределения помощи в Сибири, после двух лет войны, говорят следующие данные. Денежные ссуды получали 83 % семей, где отсутствовали работоспособные мужчины, до 23 % не имеющие крупного рогатого скота, до 13 % лишенные всякой тяговой силы. При раздаче продовольствия стойким явлением становится тенденция увеличения количества пайков в гораздо меньших размерах, чем рост их стоимости [8]. Дороговизна жизни осенью 1916 г. приводит к возмущениям жен-фронтовиков. В Мариинске городскую управу постоянно брали в осаду более 30 женщин. Боясь солдаток, власти города потребовали себе полицейской охраны. В жалобах томскому губернатору женщины писали, что в Мариинске плохо ведется учет нуждающихся, а солдатке Барановой полтора года не платят пособие. Губернатор обязал чиновников в течение суток погасить задолженность [11].

В годы войны в Кузбассе истощались лесные ресурсы. Положение усугубилось тем, что налаженная перед войной лесная охрана была фактически развалена. Свыше 80 % стражников попали на фронт, а караульные из числа инвалидов не могли их заменить. Доходность лесов упала более чем в два раза. Бесплатная раздача дров жертвам войны также ухудшала данную проблему. О том, что подобная раздача топлива широко практиковалась говорят архивные документы чулымского, кузнецкого и других лесничеств. Здесь более чем в 80 поселениях дрова получили свыше 5 тысяч семей фронтовиков. В среднем на каждую семью выдавали до двух возов ежегодно. Такие раздачи были в селах Петропавловское, Ашмарино, Атамановское, Красный Яр и других. Вместе с тем населению категорически запрещали пользоваться ценной строительной древесиной [41].

Используя сырьевые богатства Сибири, правительство справедливо считало, что в огромной регионе катастрофически не хватает рабочих рук. Кузбасс официально провозглашается одним из

мест проживания переселенного в войну населения. Главноуполномоченным по делам беженцев утверждается генерал-майор П. П. Мейер. Вместе с ним за эту работу отвечали губернские, городские, уездные власти и их беженские комитеты. При расселении циркуляры рекомендовали придерживаться национального признака. При строительстве беженских помещений экономно тратить средства, так как эти постройки считать кратковременными – только на период войны. Документы определяли основные виды помощи таким людям. Она включала перевозки, предоставление жилья, работы, одежды, необходимых культурных нужд и юридических консультаций и т. д. [35, с. 1 – 10]. Особенности расселения беженцев показывают следующие цифры. Осенью 1916 г. в Кемеровской области проживало свыше 4 тыс. переселенных лиц, около 30 % в городской местности (Тайга, Мариинск) и до 70 % в сельской. В их национальный состав входило до 70 % русских, менее 30 % поляков и прибалтов и до 3 % евреев и других. Малое число городов, скученность населения, рост преступлений и инфекций заставляло власти дополнительно переселять людей в сельскую местность [18].

Значительную роль в этом процессе играли крестьянские начальники. Под их руководством селяне брали беженцев к себе на постой, организовывали питание, помогали теплой одеждой, транспортом, хозяйственным инвентарем, созданием резерва жилья. Кроме того, они проводили социологические опросы и выявляли особо нуждающихся, а затем добивались от крестьянских обществ устройства таких людей на работы. Переселение закончили к началу 1917 г. В Томской губернии такой деятельностью занимался 51 крестьянский начальник. Среди лучших были Л. А. Шавров из Кузнецкого уезда, А. С. Шавелин из Томского уезда, Н. П. Плотников из Мариинского уезда и другие [19].

Однако не все вопросы удавалось решить, оставались многие проблемы, связанные прежде всего с трудоустройством. Например, зимой 1916 г. в Мариинске в домах по ул. Никольской, Береговой, Московской, Садовой, Костельной, Гондатьяевской (ныне центр города) было размещено 60 семей. Среди них только 20 % составляли мужчины, 80 % женщины и дети, причем только 10 % имели постоянный заработок. О бедственном положении семей сообщал и польский комитет. В волостях Мариинского уезда поляки занимались нерегулярным сельскохозяйственным трудом. Особенно в тяжелое положение попала та часть польской интеллигенции, которая слабо владела русским языком и была не приспособлена к тяжелому физическому труду. Помогая людям, Особое совещание Томской губернии в конце февраля 1916 г. решило: сметы и расходы беженцев утверждать на три месяца вперед, семье из 4 человек выдавать полные пайки, при большей численности – 0,5 пайка на нуждающегося. На жилье в сельской местности тратить – 1 р. 50 коп., в городской – 2 р. 50 коп., на теплую одежду везде 15 рублей [20].

Вместе с тем, с лета 1916 г. в стране вводится режим чрезвычайной экономии. Беженцам сокра-

щают различные выплаты. Центральные власти активно поддерживают курс на то, чтобы эти люди обеспечивали свою жизнь собственными заработанными средствами. Тенденция к уменьшению обеспечения затронула даже сирот, помощь теперь сохранили только детям до 14 лет. Правительство всячески старается переложить обеспечение беженцев на сибирские регионы. Однако последние были перегружены заботами о нетрудоспособных лицах, а поэтому всячески сопротивлялись таким решениям. Вместе с тем дороговизна жизни, политика экономии в целом ухудшила положение переселенческих семей и сделала многих из них противниками самодержавия [6].

Войска Тройственного союза, как и армии Антанты несли значительные потери. Наряду с убитыми и ранеными было большое число пленных солдат. В Сибирь в место своей ссылки эти люди прибыли уже в первые месяцы войны. В октябре 1914 г. большие группы военнопленных появились в Кузбассе. Летом 1915 г. в Омском военном округе скопилось свыше 150 тыс. таких людей. Военнопленных размещали партиями от 3 до 6 тыс. человек вдоль транссибирской магистрали с привязкой к экономическим потребностям сибирских губерний. Из-за отсутствия концлагерей эти люди первое время пользовались значительной свободой и имели неограниченные контакты с населением. Помогая пленным власти Мариинска, часть своего жилого фонда передают под их нужды. Большинство офицеров определили жить в частных домах на Базарной улице, а домовладельцам выплачивали за них квартирные деньги, и даже отхожие места для пленных чистили наемные работники городской думы [4; 12].

В Томской губернии, в том числе и Кузбассе, находились самые ненадежные военнопленные из числа австрийцев, немцев, венгров. Свыше 50 % всех пленников составляли венгры. Различные работы выполнялись по договорным соглашениям между военными властями и работодателями. В соглашение включался надзор, прокорм, жилье и другие условия подневольной жизни. Из зарплаты военнопленному доставалась только третья часть суммы. Остальное уходило на нужды принудительной системы, а также компенсацию различных трат работодателей. Военнопленные страдали от действий не только русских властей, но и своих, так как жестокое отношение последних к русским пленным приводило к аналогичным действиям в Сибири. Если первоначально для пленников, исходя из международных конвенций, определялись довольно цивилизованные правила содержания (питание по нормам русской армии, длительность рабочего дня согласно законодательству России), то затем появляется все больше ужесточающих распоряжений, связанных с сокращением питания, введением казарменного порядка жизни, с урезанием зарплат и т. д. [39; 42, с. 27].

В целом в Кузбассе предпочтение работодатели отдавали тяжелому физическому труду. Из нарядов на работы, выписанных в Томской губернии видно, что команды военнопленных от 10 до 200 человек

повсеместно использовали при бурении скважин, рытье колодцев, лесозаготовках, строительных и дорожных работах. Особенно настойчиво владельцы предприятий добивались использования дешевой рабочей силы на шахтах и рудниках. В начале 1917 г. в горной промышленности края работало 2399 военнопленных. На Кольчугинском руднике они составляли более половины горнорабочих. В сельской местности приоритет лагерными властями отводился сотрудничеству с кооперативами, где существовал нормированный рабочий день, рациональная расстановка рабочей силы, организованный прокорм, а самое главное своевременная выплата заработанных средств [7].

Несмотря на активность революционного движения, февральская революция 1917 г. стала для сибиряков неожиданной. После отречения царя власть в регионе оказалась в руках буржуазии, которая поддержала различные заявления Временного Правительства о необходимости ведения войны с германским блоком. Председатель Совета министров Г. Е. Львов телеграфировал в Сибирь о том, чтобы на местах сохранили работы попечительских организаций, работающих на армию. Однако постановлением 25 марта 1917 г., затем и другими, свергнутая царская семья и родовитая аристократия впервые в истории страны отлучается от благотворительной деятельности, а вместо нее эту работу стали вести отделы и ведомства новых властей (в основном силовые министерства и комитеты народного образования) [2].

В переходный период становления новой власти огромное влияние в попечительском деле стало принадлежать комиссарам Временного правительства. В Мариинске их Комитет общественной безопасности возобновил выдачу пайков солдатским семьям, а также распространение комплектов агитплакатов нового правительства. В сельские волости Кузбасса на работы в хозяйства солдаток началась отправка военнослужащих Томского гарнизона. На фронт из добровольцев тыловых частей формируются ударные батальоны. Среди них дисциплинированностью выделяется женский отряд сибирячки из нынешней Кемеровской области, полного георгиевского кавалера, прапорщика М. Л. Бочкаревой [28, с. 15; 21].

С лета 1917 г. с фронта все больше сообщений о том, что в странах Тройственного союза в очередной раз ужесточили режим к военнопленным. В ответ усиливается контроль над врагом в Сибири. Возмущенные военнопленные осуждают действия своих и русских властей. На июньском митинге в Анжеро-Судженске 1200 иностранных шахтеров открыто об это заявили. Мало того, они значительную часть своего заработка передали в пользу семей русских военнослужащих [26, с. 62].

В то же время, из-за закрытия предприятий тяжелой промышленности растут безработица, цены на то-

вары и услуги. В таких условиях правительство пытается оживить производство с помощью иностранных финансов. Особое совещание при Горном департаменте министерства торговли и промышленности 8 июня 1917 г. высказалось за допуск американского капитала в Кузбасскую угольную промышленность. Дополнительные ссуды в десятки миллионов рублей на строительство металлургического завода получило Кузнецкое каменноугольное и металлургическое акционерное общество (бывший Копикуз). В целом, несмотря на неудовлетворительное решение многих социальных вопросов, Временное Правительство добилось за восемь месяцев своего правления наивысших показателей по добыче угля в Сибири. Наибольшее количество топлива 1 млн 250 тонн дал Черемховский район, до 1 млн тонн – Кузнецкий бассейн. Правительством кредитной политикой поддерживается работающая на армию сибирская кооперация. Для фронта по-прежнему из региона шли значительные поставки амуниции, продовольствия, сенажа [27, с. 101].

Вместе с тем, основная масса крестьян Сибири не желала своими средствами и ресурсами пополнять государственную казну. В Февральской революции эти люди видели возможность исправить то, что считалось для них несправедливым. Особенно селян раздражали тяжелые военные налоги, невыгодные продовольственные поставки и повинности. Все это приводило к тому, что сибирский продовольственный рынок становился теневым. Обостряется и лесной вопрос, так как новая власть строго наказывала селян за самовольные вырубку леса. В условиях затяжной войны лес в первую очередь по-прежнему шел на оборонные нужды. Кроме того, стараясь не допустить убытия населения из Сибири, Временное Правительство запрещает выезд переселенцев за Урал, а также отменяет для них льготные транспортные тарифы [4, с. 344].

Осенью 1917 г. агитация и пропаганда большевиков привела к Октябрьской революции. Новая власть, желая любой ценой укрепить свой режим, взяла курс на заключение мира с ослабленным врагом, ликвидацию старой армии, в том числе и большинства патриотических обществ. Последние пострадали и за то, что отказались признать законность непонятной для них диктатуры пролетариата.

Таким образом, в годы Первой мировой войны экономический потенциал Кузбасса, как и всей Сибири, был активно включен в процесс материального обеспечения действующей армии. Региональный вклад базировался на широком использовании продовольственных ресурсов. Определенную роль играло и местное сырье, прежде всего уголь, кокс, цветные металлы. Патриотическое народное движение в крае проявлялось в самых разнообразных и необычных формах. Накопленный патриотический опыт работы в годы Первой мировой войны стал позже основой для поддержки Советской Армии в 1941 – 1945 гг.

Литература

1. Вестник Европы. – 1914. – № 10.
2. Вестник Временного Правительства. – 1917. – 25 марта [и др.].
3. Гоголев, Л. Д. Автомобили-солдаты / Л. Д. Гоголев. – М., 1990.

4. Горелов, Ю. П. Сибиряки на защите Отечества в войнах начала XX века / Ю. П. Горелов. – Кемерово, 2003.
5. ГАВО (Государственный архив Вологодской области). Ф. 34. Оп. 1. Д. 3213. Л. 1 – 10.
6. ГАКК (Государственный архив Красноярского края). Ф. 595. Оп. 48. Д. 1112. Л. 6; 52 – 58 и др.
7. ГАКК. Ф. 595. Оп. 13. Д. 629. Л. 58 – 59; 193 – 196.
8. ГАИО (Государственный архив Иркутской области). Ф. 171. Оп. 1. Д. 604. Л. 1.
9. ГАИО. Ф. 32. Оп. 8. Д. 520. Л. 143.
10. ГАКО (Государственный архив Кемеровской области). Ф. 22. Оп. 1. Д. 435. Л. 24.
11. ГАКО. Ф. 22. Оп. 1. Д. 544. Л. 13 – 33.
12. ГАКО. Ф. 22. Оп. 1. Д. 435. Л. 24; 62 – 64.
13. ГАКО. Ф. 22. Оп. 1. Д. 435. Л. 68, 91.
14. ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. 6831. Оп. 1. Д. 22. Л. 38 – 69 (доклады о ходе продовольственных операций).
15. ГАТО (Государственный архив Томской области). Ф. 127. Оп. 1. Д. 2969. Л. 23, 317.
16. ГАТО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 4. Л. 1 – 10.
17. ГАТО. Ф. 7. Оп. 2. Д. 5. Л. 66.
18. ГАТО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 5. Л. 54 «а».
19. ГАТО. Ф. 7. Оп. 2. Д. 1. Л. 18 – 27.
20. ГАТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 8; Д. 46; Д. 97.
21. Дроков, С. В. Организатор женского батальона смерти / С. В. Дроков // Вопросы истории. – 1993. – № 7. – С. 164 – 169.
22. Еремин, И. А. Привлечение экономического потенциала Томской губернии для материального обеспечения русской армии в годы Первой мировой войны (1914 – октябрь 1917 гг.) / И. А. Еремин // Ползуновский вестник. – 2003. – № 3 – 4.
23. Енисейский край. – 1916. – 10 декабря.
24. Жизнь Алтая. – 1914. – 26 июля.
25. Жизнь Алтая. – 1914. – 14 декабря.
26. Йожа, А. Венгерские интернационалисты в борьбе за победу Октября / А. Йожа, Д. Милей. – М., 1977.
27. Кузбасс. Прошлое. Настоящее. Будущее. – Кемерово, 1977.
28. Крестьянство Сибири в период строительства социализма 1917 – 1937 гг. – Новосибирск, 1983.
29. Личный состав учреждений Всероссийского союза городов. – М., 1916. – Вып. 1.
30. Новосибирску 100 лет. События. Люди. – Новосибирск, 1993.
31. От Сибирского общества помощи раненым // Жизнь Алтая. – 1914. – 12 ноября, 13 ноября, 3 декабря.
32. Отчет о деятельности центрального, дамского и участковых комитетов Сибирской железной дороги по оказанию помощи лицам, пострадавшим от военных действий за август – декабрь 1914 г. – Томск, 1915.
33. Отчет общества повсеместной помощи пострадавшим на войне. – Петроград, 1916.
34. Правительственный вестник. – 1917. – 11 февраля.
35. Руководящие положения по устройству беженцев. – Петроград, 1916.
36. РГВИА (Российский государственный военно-исторический архив). Ф. 970. Оп. 3. Д. 1891. Л. 1 – 2.
37. РГВИА. Ф. 970. Оп. 3. Д. 1898. Л. 39 – 41.
38. РГВИА. Ф. 16323. Оп. 1. Д. 1113. Л. 8.
39. Сборник указаний о привлечении находящихся в России военнопленных на работы и другие правила и постановления, относящиеся к военнопленным. – Петроград, 1916.
40. ЦХАФАК (Центр хранения архивного фонда Алтайского края). Ф. 142. Оп. 1. Д. 4. Л. 8.
41. ЦХАФАК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4389. Л. 1 – 218.
42. Чугунов, М. И. Венгерские интернационалисты в Томске (1917 – 1918) / М. И. Чугунов // История СССР. – 1968. – № 1.

Информация об авторе:

Горелов Юрий Павлович – доктор исторических наук, профессор кафедры новейшей отечественной истории КемГУ, 8(384-2)58-40-16.

Yury P. Gorelov – Doctor of History, Professor at the Department of Contemporary Russian History, Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 18.03.2014 г.